

Европеизм и народность, в отношении к русской словесности

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

"Свое воспитание утаивается в природе всякого народа, как огонь и свет невидимкою утаился в кремешке. Приставь же губку либо трут, не пожалей же руки и ударь кресалом, и выкресешь огонь у себя дома, и не будешь ходить по соседним домам с трепетицею, кланяться и просить: пожичь-де мне огню!"

Григорий Варсава Сковорода

Странный вопрос, странный спор, странное волнение занимает теперь нашу критику, или лучше -- составляет единственный признак (не хочу сказать -- призрак) литературного самосознания в нашем отечестве. При всей очевидности быстрого, непрерывного возрастания нашей литературной производительности -- когда итоги книжного бюджета год от году увеличиваются в каталогах и отчетах, когда столбцы газет все пестрее и пестрее становятся от объявлений о новых книгах, список действующих литераторов все длиннее и длиннее растягивается на обертках журналов, когда, наконец, письменная работа, книжное дело, литературная деятельность составляет такой положительный факт, такое вещественное, осязаемое явление, что, подобно Жакардовой машине или плугу Гранже, подобно свекловично-сахарному производству или учреждению обществ для застрахования пожизненных доходов, может подвергаться законам коммерческого вычисления, служить основанием для торговых спекуляций, давать верные и выгодные проценты -- теперь, говорю, при столь явных и решительных приметах, у нас существует сомнение, идет спор: "есть ли в нашем отечестве литература?" По-видимому, не следовало бы и обращать внимание на парадокс, состоящий в таком ярком противоречии с действительностью: надо было б заткнуть уши от тех, кои вздумали проповедывать такое дикое сомнение, и искренно пожалеть о других, принявших на себя тяжкий и неблагодарный труд доказывать слепому существование цветов, толковать с глухим о звуках. Так бы и случилось в других образованных странах Европы, богатых литературою и литературною жизнью, так бы случилось в Германии или во Франции, если б кто-нибудь из журнальных крикунов и критиков -- даже не какой-нибудь А. Б. или В., не какой-нибудь *философ* И, *русской Гегель* (я, улыбаясь, повторяю эти остроумные наименования, коими поборники русской литературы осыпают ее разрушителей) -- а сам Менцель, сам Густав Планш, судии признанные в ареопаге современной европейской критики, вздумали уверять, что ни во Франции, ни в Германии нет литературы, что типографические станки Дидо узорят только бумагу красивыми шрифтами, что на Лейпцигских ярманках два раза в год продается и скупается одна негодная макулатура. Кто бы так был прост, что стал бы их слушать -- тем менее спорить с ними? Но у нас -- я вижу совсем другое. У нас, несмотря на темную безвестность, коей окружены восстающие против русской словесности, несмотря на их плебейскую безыменность в литературной иерархии -- их выходки потревожили заслуженных, именитых ветеранов книжного дела, возмутили их сладкий покой на благоприобретенных лаврах, взволновали патристическую желчь, оскорбили народную гордость. Странны, конечно, разрушительные возгласы скептиков, таким зловещим криком раздающиеся посреди мирных сделок и оборотов, кои с некоторого времени все тверже и тверже упрочивают вещественную значительность нашей литературы; но еще страннее уничтожение, до которого позволили себе низойти почтенные вельможи и капиталисты книжного мира, связавшись не на шутку с этими задорными наездниками, с этими *безбородыми Шеллингами*, у которых нет даже других имен, кроме букв русской азбуки. Я понимаю, однако, это раздражение, этот жар, пробудившийся даже в самых дряхлых инвалидах нашей словесности, давно отставших от литературной службы и сошедших на журнальную пенсию приятельских похвал; понимаю, отчего дрожащая рука их хватается за ржавый меч тяжелых острот и пошлых ругательств, давно повешенный в углу нажитого литературою поместья; и приписываю это если не бескорыстному чувству истинного патриотизма, истинной народной гордости -- то, по крайней мере, и не одной злобе оскорбленного самолюбия, не одной желчи обанкротившегося спекулянта. Дело в том, что *безбородые Шеллинги*, возмущающие настоящее спокойствие литературы тревожными сомнениями, не так ничтожны на самом деле, как их думают представить: они действуют без имен и авторитетов, но зато с силою,